

РОЛЬ ВЫЛАЗОК В ОРГАНИЗАЦИИ АКТИВНОЙ ОБОРОНЫ УКРЕПЛЕННЫХ ПУНКТОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В статье рассматриваются вопросы активности обороны древнерусских укрепленных пунктов и какая роль при этом отводилась вылазкам, их виды, цели, организация и проведение.

Организация обороны укрепленного пункта, будет ли она активной или пассивной, зависела от многих факторов. Это и соотношение сил противников, и подготовленность обороны, наличие продовольствия, воды, боеприпасов к метательному оружию и количества этого оружия, степени обученности защитников и умения военачальника руководить войском. Активность обороны, кроме интенсивной стрельбы и защиты подходов ко рву и валу со стеной другими средствами, включая повреждение и уничтожение осадной техники и приспособлений осаждающих, проявлялась и в вылазках.

Рассмотрению вопросов организации обороны уделяли внимание многие известные исследователи, среди них можно назвать А.Н. Кирпичникова, В.И. Довженко, М.Ф. Котляра, К.С. Носова, Н.Н. Воронина, Э.Э. Виолле-ле-Дюка и др. П.А. Раппопорт писал: «Для решения вопроса о степени активности обороны русских укреплений VIII-X вв. никаких прямых данных не имеется. Малая роль искусственных оборонительных сооружений еще не дает оснований утверждать, что оборона была пассивной. Сведения более поздних письменных источников (о событиях не древнее X в.) говорят, однако, о том, что активность обороны заключалась в основном в вылазках, а не в организации интенсивной стрельбы из города» [1, 147].

Иногда вылазки путают с открытым боем у стен города, в котором решалась его судьба, или контратакой осаждающих. «Сила отряда для вылазки обыкновенно не превосходит известной части гарнизона; но в исключительных случаях, например, при прорыве линии обложения, когда положение крепости безнадежно, вылазка может быть предпринята целым гарнизоном» [2, 149].

В открытом бою у стен могли, как и в контратаке, участвовать все воины осажденного гарнизона при поддержке населения города или крепости. Но основное отличие их от вылазки было в целях, которые они преследовали. А путаницу здесь внесли еще Ф.А. Брокгауз с И.А. Ефроном, решившие, что «вылазка – наступательные действия гарнизона крепости против неприятеля, находящегося под ее стенами или в некотором от нее расстоянии» [3, 149]. А о целях ни слова. «Вылазки же преследовали следующие цели: уничтожить осадную технику

противника, нанести неожиданный удар с фланга или тыла по штурмующим, беспокоить осаждающих, постоянно держа их в напряжении. Правильно организованные вылазки приносили большую пользу осажденным. Однако случалось, что они заканчивались крайне плачевно» [4, 269].

Характерный пример боя у стен города, вызванного тактической необходимостью – выход войска князя Святослава Игоревича из Доростола в 971, описанный И. Скилицей. Тогда, оказавшись в безвыходном положении, русы решились на последнее средство – погибнуть в открытом бою или победить. «... Война шла неудачно для варваров, а на помощь им не приходилось надеяться... У них не хватало продовольствия, а подвезти его было невозможно, поскольку ромейский флот тщательно охранял берега реки. К ромеям же каждый день притекали как из неиссякаемого источника, всевозможные блага и постоянно присоединялись конные и пешие силы. Не могли варвары и удалиться, сев в свои челны, ибо выходы ... тщательно охранялись...

... Свендослав убедил решиться на еще одну битву с ромеями и – либо, отлично сражаясь, победить врагов, либо, будучи побежденными, предпочесть постыдной и позорной жизни славную и блаженную смерть...

На рассвете следующего дня варвары поголовно выступили из города. Чтобы никому не было возможности спастись бегством в город, они заперли за собою ворота и бросились на ромеев. Завязалось ожесточенное сражение. Варвары бились отважно...» [5, 130-131], но, поддавшись на обман, устремились за притворно отходящими византийцами и были отрезаны от стен города. В бою был ранен сам Святослав.

Представляет интерес, что исход этого боя византийский император предложил решить поединком – «смертью одного мужа, не убивая и не истощая силы народов; кто из них победит, тот и будет властелином всего». На это Святослав ответил, что «если император более не желает жить, то есть десятки других путей к смерти; пусть он и избрет какой захочет».

В результате этого боя «... скифы обратились в бегство, но, найдя городские ворота закрытыми, бросились от Склира враспынную по равнине и погибли без числа, растаптываемые своими же и избиваемые ромеями, а остальные почти все были изранены» [6, 132].

Другой пример такого боя приводит Н.Ф. Котляр. Он пишет: «Яркий пример осады, которая натолкнулась на активный отпор гарнизона и войска стольного града Руси, красочно и в полной мере приведен в Киевском изводе под 1146 г. Тогда произошла решающая битва за Киев между посаженным в нем братом Всеволодом Игорем

Ольговичем и призванным горожанами на княжение Изяславом Мстиславичем, внуком Владимира Мономаха, который считал, что имеет «отчинные» права на столицу Руси выше прав Игоря» [7, 395].

«И прииде Изяславъ ко валови,... и ту ста полкы подлѣ валь... Игорь рече брату своему Святославу и сыновцю своему Святославу Всеволодичю: «поѣдите, брате, въ своя полкы». Князь Игорь велел поехать к полкам и другим воеводам. Однако, выехав навстречу Изяславу, полки Игоря смешались у одного из небольших озер, «и бѣ имъ в томъ пакость; и... вѣхаша берендици взадъ полку съ саблями и почаша сѣчи, и ту побѣже Игорь и Святославъ» [8, 231-232]. Выход войска Игоря из города, как видим из летописного рассказа, был совершен на скорую руку и без четкого тактического плана, благодаря чему воеводам Изяслава удалось заманить его в тесное и неудобное для ведения полевого боя место, вследствие чего его результат решил внезапный удар легкой конницы берендеев в тыл полкам Игоря.

Бой на открытом месте давал преимущества хорошо организованному древнерусскому войску перед кочевниками или литовскими племенами. Недаром Даниил Галицкий говорил: «О мужи воинстии! Не вестели, яко крестьяном пространство есть крепость, поганым же есть теснота, деряждьдѣ[□] обычай есть на брань» [10, 1251 г.].

Иной раз изменившаяся тактическая обстановка позволяла проводить контратаки, иногда спонтанные, неподготовленные. Деревянные стены были, как правило, не очень высокими. В некоторых случаях сидевшие в осаде прыгали с заборол из города. Так, при осаде г. Луцка в 1097 г. «горожане скочиша с града и почаша сеща вои Давидовы». Перебегающие к князю Ивану Берладнику из осажденной Ущицы смерды также «скачуть через заборола» [11, 451].

Вылазки были очень существенным тактическим элементом обороны городов. Во время длительных осад противник пытался истощить обороняющихся и заставить их добровольно сдать город. В задачи же защитников входило не только не допустить проникновения врага в город, но и активно бороться с ним за пределами укрепленного пункта, чтобы заставить его снять осаду и отступить. Через потайные хода и ворота обороняющиеся выходили из укрепления, часто в ров, служивший исходным рубежом для сбора всего отряда, назначенного для вылазки, и внезапно атаковали противника.

Таких потайных выходов в городе или крепости могло быть несколько. Иногда они находились в нескольких метрах от земли, и добраться до них можно было только с помощью приставных лестниц (через эти же выходы в случае надобности отправлялись разведчики, лазутчики, посланники, связные). Кроме того, путь идущих на вылазку мог лежать через городские ворота или через проходы в оборонительных валах – потерны. Такие потерны

имелись, например, в Колодяжине, в Райковецком городище; наличие их можно предполагать и в целом ряде других древнерусских укрепленных поселений. Эти потайные проходы позволяли осажденным скрытно выводить свои войска из укрепления в оборонительный ров, откуда они уже и предпринимали атаки на осаждающих.

Расстояние, на которое производились вылазки, и сила высылаемых из крепости отрядов зависела от величины гарнизона и силы самой крепости, от угрожающей ей опасности и от соотношения между своими силами и силами противника. Из укреплений выходили небольшие отряды и пытались навязать бой противнику. В случае опасности отряды прятались в укрепления, а противник, преследуя их, приближался к городу и попадал под усиленный обстрел с валов и заборол. В то время, когда враг сосредотачивал свое внимание на борьбе с контратакующими отрядами, другие защитники могли выходить из укрепления и запасаться водой [12, 63].

Если стрельба с городских стен должна была воспрепятствовать штурму укрепления, то вылазки могли иногда заставить противника снять осаду, а в случае удачи даже, может быть, обеспечить разгром вражеского войска, т.е. достичь стратегических целей. Но чаще молниеносные рейды позволяли оборонявшимся сжигать метательные орудия, лестницы и леса осаждавших, снижая их боевой дух.

Н.Ф. Котляр писал: «Скорее всего, в соответствии с рыцарским кодексом чести закрытое в Стародубе войско Олега совершало вылазки – для того чтобы драться с врагом, но не снять осаду, для чего у него не было ни сил, ни возможностей. Только после того, как у защитников заканчивалось продовольствие, им приходилось капитулировать» [13, 379]. «Обычно оборона не была пассивной. Защитники совершали вылазки, а то и выводили войска из города, чтобы драться с нападавшими. Совсем не всегда они рассчитывали таким способом избавиться от осады. Их целью было ослабить противника, нанести ему вред и людские потери, попытаться вселить в него психологическую неуверенность. Да и рыцарский кодекс чести не позволял многим богатым князьям просто отсиживаться за валами и стенами города, уклоняясь от битвы» [14, 394-395]. На самом деле вылазки и кодекс чести рыцаря – понятия разные, хотя Н.Ф. Котляр и пытается связать его с непоседливостью отдельных представителей княжеского сословия, постоянно ищущих приключений на свою, скажем, шею.

Участники вылазки, проникнув в неприятельский стан, поджигали неприятельские палатки, разрушали осадные орудия и избивали не ожидавшего внезапного нападения противника. Вот почему неприятель обычно располагался лагерем не слишком близко к осажденному укреплению и в свою очередь

укреплялся: опоясывал лагерь рвами, воздвигал на валах палисады и даже башни. Временами в промежутке между лагерем осаждающих и осажденным укреплением завязывались настоящие битвы, уносившие большое количество жизней.

«Подготовительные работы во время осады занимали много времени, не обещая при этом верного успеха. Кроме того, для них требовалось очень много дерева и метательных снарядов. Случалось так, что после того, как заканчивалось сооружение контрвзвальных линий, передвижных осадных башен из дерева, а также подготовка орудий для штурма, осажденные одной энергичной вылазкой или ночной атакой огнем и мечом уничтожали плоды многомесячного труда. Осажденные совершали вылазки и либо устраивали бои у стен, не давая врагу установить осадные башни или орудия, либо уничтожали уже готовые сооружения противника. Бывало и так, что противники менялись местами – осаждающие, оттесненные в ходе вылазки к своему лагерю, сами превращались в осажденных» [15, 3435].

Э.Э. Виолле-ле-Дюк писал: «Часовые из рук вон плохо выполняли свои обязанности, как это бывает в нерегулярных, не знающих дисциплины войсках. Воины надеялись, что от противника их защитят остроги, и каждый полагался на соседа, поэтому часто бывало так, что сотня-другая храбрых воинов, вышедших глубокой ночью в полной тишине из осажденного города, проникала в самое сердце вражеского лагеря, не встретив ни единого часового, и поджигала орудия противника, перерезая при этом канаты, крепившие шатры, чтобы увеличить переполюх, и благополучно возвращалась под защиту своих стен еще до того, как осаждающие успевали прийти в себя. Такие сюрпризы случались почти ежедневно и, что самое удивительное, печальный опыт ничему не учил осаждающих» [16, 35].

В летописях отмечено большое количество таких вылазок и боев под стенами городов. Наоборот, отсутствие вылазок в летописи обычно рассматривается как свидетельство слабости или трусости осажденных.

В Доростоле византийский «император приступил к осаде и неоднократно отражал вылазки скифов. В один из дней, когда ромеи рассеялись в вечернее время дня принятия пищи, конные и пешие варвары, разделившись на две части, устремились из двух ворот города – из восточных... и из западных... Вышли они, выстроившись в боевой порядок, и тогда в первый раз появились верхом на лошадях, в предшествующих же сражениях бились пешими. Ромеи встретили их с ожесточением, и завязался упорный бой. Борьба долго шла с равным успехом, наконец, ромеи обратили варваров в бегство своей доблестью и, призвав к стене, многих перебили в этой стычке и всего более – всадников».

На следующий день, «когда наступил вечер, все ворота города открылись, и росы, будучи в большем, нежели прежде, числе, напали на ромеев, которые не ожидали этого ввиду приближения ночи... Вначале они имели перевес, однако немного спустя ромеи взяли верх. Но когда был убит геройски сражавшийся Сфенкел, эта потеря связала и ослабила их натиск. Тем не менее, в течение всей ночи и на следующий день до самого полудня они продолжали сильное сопротивление. Когда затем посланные императором силы отрезали варварам дорогу в город, росы, узнав об этом, ударились в бегство. Находя путь к городу перехваченным, они разбежались по равнине, где их настигали и умерщвляли».

«Когда же многие воины стали страдать от ран и надвигался голод, ибо необходимые запасы истощились, а извне ничего нельзя было подвезти из-за ромеев, Свендослав, дождавшись глубокой и безлунной ночи, когда с неба лил сильный дождь и падал страшный град, а молнии и гром повергали всех в ужас, сел с двумя тысячами мужей в челны-однодревки (и отправился) за продовольствием. Собрал где кто мог зернового хлеба, пшеница и прочих жизненных припасов, они двинулись по реке на однодревках в Доростол. Во время обратного плавания они увидели на берегу реки многих обозных слуг, которые поили и пасли лошадей, либо пришли за дровами. Сойдя со своих судов и пройдя бесшумно через лес, (варвары) неожиданно напали на них, многих перебили, а прочих принудили рассеяться по соседним зарослям. Усевшись снова в ладьи, они с попутным ветром понеслись к Доростолу. Великий гнев охватил императора, когда он узнал об этом... После того оба берега реки тщательно охранялись. Целых шестьдесят пять дней вел император осаду, и так как ежедневно происходившие стычки были бесплодны, он решил попытаться взять город блокадой и голодом. Ввиду этого он велел перекопать рвами все дороги, везде была поставлена стража, и никто не мог в поисках продовольствия выйти из города... Так обстояло дело с Доростолом» [17, 127-129].

«... Внутри города скифов терзал голод, снаружи они терпели от стенобитных орудий, ... камнемет причинял им немалый вред. Выделив самых отважных воинов, имевших тяжелое вооружение, и смешав их с легковооруженными, (скифы) посылают их против указанного орудия, чтобы они постарались его уничтожить. Дознавшись об этом, Куркуас во главе сильнейших своих воинов поспешил на защиту (орудий).

Оказавшись посреди скифов, он ... погиб, изрубленный на части. Подоспевшие ромеи напали на росов, отстояли орудия в целостности и оттеснили скифов в город».

В одной из таких вылазок погиб Икмор – видный военачальник русов – «знаменитый среди скифов

муж». «Видя, как он мужественно сражается, ободряет и воодушевляет других и приводит в замешательство ряды ромеев, Анемас, один из императорских телохранителей.... ударив его мечом в левое плечо повыше ключицы, перерубил шею, так что отрубленная голова вместе с правой рукой упала на землю... Скифы ... утратили свое воодушевление. Ромеи усилили свой натиск и те, обратившись в бегство, бесславно удалились в город. Немало было в этот день убитых – одни были растоптаны в тесноте, других же, настигая, перекололи ромеи» [18, 129-130].

Во время осады Галича князем Владимиром Володаревичем в 1144 г. войска Ивана Берладника не раз выходили из города и вступали в борьбу на открытой местности. Так продолжалось на протяжении трех недель. Наконец, во время одной из таких вылазок Владимир отрезал отступление к городу войскам Берладника и разбил их. В 1148 г. Изяслав осадил Чернигов, а жители – «не спеша из Чернигова выйти противу Изяславу» [19, 1148 г.].

В 1151 г. при осаде Чернигова Андрей – сын Юрия Долгорукого «ѣха подь городъ; и вышедшимъ же пешцем из города, стрѣляея, тотъче на нъ с дружиною и с половци, овы избиша, а другыя выгнаша в город». После этой вылазки черниговцы, убедившись в силе противника, больше не осуществляли вылазок [20, 315]. Так же действовали войска Мстислава Ростиславича в борьбе с войсками Андрея Боголюбского во время осады Вышгорода в 1174 г. Девять недель стояло войско Андрея под Вышгородом. На протяжении этого времени защитники города часто выходили из укрепления и начинали открытый бой.

Весной 1238 г. при обороне Козельска защитники «... исьшедше изъ града исѣкоша праща ихъ, нападше на полкы ихъ, но убиша отъ татаръ 4 тысящи, сами же избиени быша» [21, 100]. Обращает внимание то обстоятельство, что, бросившись на противника, защитники Козельска сразу же уничтожили метательные устройства, которые принесли им так много несчастья.

Во время похода на Галич в 1245 г. «стоящю же ему (Ростиславу) у града и строящю пороки, ими же прииметь градъ». Горожане Ярослава совершили вылазку, желая уничтожить осадные машины. «Оному (Ростиславу) же повелѣвшю своимъ охабитися (спрятаться), да не язвени будутъ вои его отъ гражанъ, дондеже устроить сосуды порочные» [22, 107]. Из дальнейшего рассказа летописи узнаем, что после добытой в битве возле Ярослава победы «Даниил же городъ зажже, еже Ростиславъ создалъ» [23, 108] – обычно во время осады город или крепость ограждали «тыном», чтобы затруднить вылазки осажденных или возможную помощь им извне. В данном случае летописец назвал это сооружение «городом». Вероятно, были уничтожены и сами

осадные машины и «тын», который их ограждал.

Таким образом, действенных технических средств для борьбы с осадной техникой противника было все же недостаточно. Испробованным средством борьбы с ними стали вылазки. С их помощью защитники уничтожали осадную технику противника, сжигали их «города» и «секли» пороки, тем самым лишая осаждающих возможности начать штурм укрепления. Опасность внезапных вылазок из осажденного города была, очевидно, настолько реальной и серьезной, что для ликвидации именно этой угрозы осаждающие часто стали ставить контрвзвешивающую линию – острог или тын [24, 461]. Отступая, противник также стремился уничтожить свои осадные орудия, чтобы они не достались осажденным [25, 461].

Неожиданные вылазки небольшими группами заставляли противника действовать осторожнее, требовали от него постоянного напряжения сил, замедляли и затрудняли производство осадных работ. Кроме того, вылазки при умелом проведении и успехе, действовали на осажденных ободряюще, повышали морально-психологическое состояние воинов гарнизона и горожан. Такая борьба не приводила к большим потерям среди обороняющихся, однако разлагала вражеское войско и забирала у него много сил, поэтому тактика подготовки и проведения вылазок была широко распространена на Руси. В ряде случаев осаждавшие вынуждены были находиться у самых ворот города, чтобы воспрепятствовать вылазке: «Да не изыдутъ... и не изсекуть праков» [26, 1249 г.].

Вылазки могли преследовать и такую цель, как прикрытие тех, кто доставлял воду и продовольствие в укрепление. За водой выходили через специальные «водяные» ворота или тайники – подземные ходы под валами и наземными сооружениями [27, 57].

Ссылки

1. Історія України в документах і матеріалах. – К.: АН УРСР, 1947. – Т. 1. – С. 170.
2. Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. – Т. 5: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. – 1956. – № 52.
3. Военное дело // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона / Ред.-сост. И.Л. Арясов. – М.: Вече, 2006. – 640 с.
4. Там же.
5. Носов К.С. Осадная техника античности и средневековья. – СПб.: Полигон, 2003.
6. Скилица И.О. войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия // Лев Диакон. История. – М.: Наука, 1988. – С. 121-133.
7. Там же.
8. Котляр М.Ф. Полководці Давньої Русі. – К., 1996.
9. Летопись по Ипатскому списку // Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – СПб., 1871. – Т. 2.
10. Там же.
11. Там же.
12. Воронин Н.Н. Крепостные сооружения // История

культури Древней Руси. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948. – Т. 1. – С. 439-470.

13. Довженок В.Й. Військова справа в Київській Русі: Науково-популярний нарис. – К.: Видавництво АН УРСР, 1950.

14. Котляр М.Ф. Полководці Давньої Русі. – К., 1996.

15. Там же.

16. Виолле-ле-Дюк Э.Э. Крепости и осадные орудия: Средства ведения войны в Средние века / Пер. с англ. Е.В. Ламановой. – М.: Центрполиграф, 2007. – 255 с.

17. Скилица И.О. Войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия // Лев Диакон. История. – М.: Наука, 1988. – С. 121-133.

18. Там же.

19. Летопись по Ипатскому списку // Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – СПб., 1871. – Т. 2.

20. Там же.

21. Галицько-Волинський літопис: Дослідження. Текст. Коментар / За ред. М.Ф. Котляра. – К., 2002.

22. Там же.

23. Там же.

24. Раппопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв.: Дисс... д-ра ист. наук. – М.-Л., 1961. – Ч. 1.

25. Косточкин В.В. Военно-оборонительные сооружения // Очерки русской культуры X–XIII вв. – М., 1948. – Т. 1.

26. Летопись по Ипатскому списку // Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – СПб., 1871. – Т. 2.

27. Довженок В.Й. Військова справа в Київській Русі: Науково-популярний нарис. – К.: Видавництво АН УРСР, 1950.

Ивануц М.Г. Роль вилазок в організації активної оборони укріплених пунктів Давньої Русі

У статті розглядаються питання активності оборони давньоруських укріплених пунктів і яка роль при цьому відводилася вилазкам, їх види, цілі, організація і проведення.

Ivanuts M.G. A role of sallies is in organization of active defensive of the fixed points of the Old Russian

In the article the questions of activity of defensive of the Old Russian fixed points and what role are examined here taken sallies, their kinds, aims, organization and carrying out.

НОВЕ ДОСЛІДЖЕННЯ ОСТАНКІВ ІЗ САРКОФАГА ЯРОСЛАВА МУДРОГО: ПОПЕРЕДНІ РЕЗУЛЬТАТИ

З метою проведення досліджень 10.09.09 р. вчетверте було відкрито саркофаг Ярослава Мудрого в Софії Київській. У скриньці, вилученій з саркофага, містилися кістки лише одного скелета. Здійснено комплекс антропологічних, анатомічних і рентгенологічних досліджень. З'ясовано, що скелет належить жінці, похованій з Ярославом у саркофазі. Місцезнаходження останків Ярослава залишається невідомим, хоча щодо цього є певні припущення. Наразі здійснюється пошук його останків, які, ймовірно, вивезені наприкінці Другої світової війни в Америку.

Софія Київська здавна слугувала усипальнею князів і вищого духівництва. У 1054 р. першим у соборі поховали Ярослава Мудрого, мармуровий саркофаг якого здавна стоїть у східному торці давньої північної внутрішньої галереї (з XVII ст. – Володимирський вівтар). Саркофаг відкривали і досліджували тричі: в 1936 [1], 1939 [2] і в 1964 рр. [5]. 10 вересня 2009 р. саркофаг Ярослава було відкрито знову з метою дослідження на сучасному рівні останків князя.

У 1936 р. були виявлені перемішані кістки чоловічого і жіночого скелетів, а також кілька кісточок дитячого черепа. Як вважають дослідники, дитячі кістки могли потрапити сюди випадково – під час пограбування, бо, судячи з порушеного стану поховання, саркофаг було пограбовано ще в давнину, можливо в 1240 р. під час Батієвого нашествия [7, 108; 11, 35].

У 1939 р. виявлені в саркофазі останки відправили до Ленінградського науково-дослідного інституту антропології та етнографії, де з розрізнених кісток склали чоловічий і жіночий скелети. В результаті анатомічної, антропологічної та рентгенологічної експертизи було встановлено, що чоловічий скелет належав людині віком близько 70 років, яка за життя мала зріст 172-175 см, вроджену кульгавість та патологічні зміни в правому тазостегновому суглобі, що настали в зрілому віці. З літописів відомо, що Ярослав Мудрий кульгав з дитинства, а Еймундова сага розповідає про поранення ноги, якого князь зазнав під час битви з печенігами. Помер Ярослав у 75, а за іншими даними – в 65 років. На підставі цих свідчень дійшли висновку, що в саркофазі справді похований Ярослав Мудрий [8; 12].

Сучасний львівський антрополог Сергій Горбенко вважає, що Ярослав страждав на хворобу Пертеса – вроджений підвивих тазово-стегнового суглобу, яка була виявлена і в Ярослава Володимировича Осмомисла, померлого в 1187 р. і похованого в Успенському соборі середньовічного Галича; він належав до 5-го покоління Ярославичів. На думку С. Горбенка, цей ген був успадкований